

В.Н. Лешков

**О народном продовольствии
в древней России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Н. Лешков**
О народном продовольствии в древней России / В.Н. Лешков – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-6857-4

О народном продовольствии в древней России.

ISBN 978-5-4241-6857-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

занятіе непріітелемъ хлѣбородныхъ волостей, осаду города, или такое положеніе, въ которомъ городъ отрѣзывается отъ селъ и деревень и т. п.

1024 годъ, конечно, не есть первый годъ въ исторіи голодовъ Россіи. Голода бывали прежде; и до 1024 года голодовъ было много, даже на памяти людей, жившихъ до этого года. Это видно изъ разсказа лѣтописца о голодѣ 1024. Въ это время, говоритъ лѣтописецъ, жители Суздальской области отправились, по Волгѣ внизъ, и привезоша хлѣба изъ Болгаръ. Стало быть, имъ уже извѣстны были средства и пути на случай неурожаевъ. Съ другой стороны, выраженіе В. К. Ярославъ, что голодъ есть Божіе наказаніе, и что *Богъ наводитъ, по грѣхомъ, на куюждо землю голодомъ или моромъ, ли ведромъ*, также свидѣтельствуетъ, что голодъ давно извѣстенъ въ Руси и весьма хорошо. Ярославъ именно говоритъ, что голодъ бываетъ отъ неурожая, а неурожай отъ вѣдра, или засухи. Это до такой степени вѣрно, что и въ послѣдующіе вѣки Россія страждетъ почти исключительно отъ засухи, отъ жаровъ, или морозовъ, вообще отъ вѣдра.

Дѣйствіе суздальскаго голода 1024 г. на жителей, на ихъ бытъ и самую жизнь было ужасно, и потому лѣтописецъ занесла это событіе на свои страницы, такъ точно, какъ и въ послѣдствіи лѣтописецъ повѣствуетъ преимущественно о голодахъ, имѣвшихъ подобныя ужасныя слѣдствія для народа. Обыкновенные случаи неурожаевъ, повторявшіеся часто, но не имѣвшіе особыхъ, общихъ, народныхъ послѣдствій, какъ явленія внѣшней природы, а не исторіи народа, только слегка отмѣчаются лѣтописцемъ, да и то въ вѣка болѣе поздніе и болѣе близкіе къ нашему времени. Голода у насъ составляютъ явленія исключительныя, эпохи болѣзненнаго состоянія Руси. Но, по великости болѣзней, перенесенныхъ организмомъ, можно судить о нормальномъ количествѣ его силъ, и потому исторія голодовъ такъ же должна входить въ исторію народа, какъ исторія его войнъ, болѣзней, бѣдности и т. д.

Въ 1024 году, по разсказу лѣтописца, въ Суздальской области народъ умиралъ съ голоду, волновался и производил мятежи. И вотъ встаютъ, говорить лѣтопись, волхвы, или кудесники въ Суздаль, и раздуваютъ пламя. Они ходятъ съ мѣста на мѣсто, и доказываютъ, что виною голода извѣстные имъ люди, а именно: *старыя женщины и безполезная, старая прислуга, чадъ, или челядь*. Нельзя не видѣть въ этомъ новаго доказательства, что голода случались и до 1024 года, и что противъ нихъ имѣла древняя языческая Россія свои средства, свою политику, свою политическую экономію. По правиламъ этой экономіи, все слабое, физически безполезное для общества, при недостаткѣ продовольствія, лишалось права дѣлить жизнь съ лицами физически сильными и для общества полезными, и должно было уступить имъ свое мѣсто въ жизни. Такое исключительное право сильныхъ на жизнь встрѣчаемъ мы и въ древнемъ Лаціумѣ, гдѣ существовалъ общій законъ избіенія престарѣлыхъ людей для того, чтобъ остальные не нуждались въ продовольствіи, *ut reliquis cibaria sufficerent* (1).

У насъ только во время спльнаго голода народъ, обезумленный бѣдствіемъ, увлекаемый волхвами, убивалъ старыхъ женщинъ и рабовъ, говоря въ свое оправданіе, *яко си держать гобино*. Въ этихъ словахъ лѣтописца—цѣлая картина ужасовъ, произведенныхъ страхомъ голодной смерти, такъ что, показавъ степень народнаго изступленія, лѣтописецъ не имѣлъ нужды распространяться о физическихъ страданіяхъ народа, тѣмъ болѣе, что ему предстояла, въ этомъ мѣстѣ, другая задача—разсказать про борьбу, въ которую вступила съ этою языческою теоріею и языческою политикою теорія христіанская, политика человеколюбія и здраваго смысла. Христіанство уже сдѣлало, къ этому времени, успѣхи въ Россіи, такъ что волхвы, закоренные представители язычества, удаляются на лѣсистый сѣверъ, остаются вдали отъ

---

(1) Mo: ean Christophe, Du problème de la misère, I, 109.

свѣта и народа, и появляются только при случаяхъ такого общественнаго бѣдствія, каковъ голодъ, да и тутъ уже не успѣваютъ вполне привлечь народъ на свою сторону. Ярославъ скорѣе и вѣрнѣе нашель доступъ къ уму народа, говоря, что *Богъ наводитъ, по грѣхамъ, на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнію, а человекъ не вѣсть ничтоже*. И В. Князь успѣлъ, во-первыхъ, остановить разбой волхвовъ и покарать виновныхъ, заточеніемъ однихъ и смертію другихъ, и во-вторыхъ, напомнить народу про путь внизъ по Волгѣ, въ Болгарію, откуда жители Суздальской области дѣйствительно привезли себѣ хлѣба, и тако *ожииша*. Такимъ образомъ уже въ этомъ первомъ историческомъ случаѣ голода, хлѣбная торговля является и первымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ неурожая. И замѣчательно, что Россія почти исключительно держится этого средства обезпеченія своего продовольствія до XVII в., или даже до Петра В., съ тѣмъ только различіемъ, что въ позднѣйшія времена въ Русь возятъ хлѣбъ, за которымъ теперь русскіе ѣдутъ сами, и что впоследствии внутренняя торговля хлѣбомъ обезпечиваетъ продовольствіе Россіи, тогда какъ въ 1024 году русскіе ищутъ его за предѣлами отечества. Впрочемъ походы за хлѣбомъ продолжаютъ долго и выражаются въ лѣтописи словами: *разыдеса градъ нашъ и волость наша*, т. е. искать продовольствія въ странахъ болѣе плодородныхъ.

Другой случай голода относится къ 1070 году (1), и принадлежитъ къ событіямъ Ростовской области, такъ же сѣверной, такъ же лѣсной и такъ же допускавшей древнюю языческую политику, относительно неурожая, доходившихъ до голодной смерти. Подъ этимъ годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, что, «бывши, единою, скудости въ Ростовскій области, встаста два волхва отъ Ярославля, глаголюще, яко въ свѣвъ, кто обилье держить, и поидоша по Волзъ. Кдѣ придутъ въ погость, ту же нарицаху лучшіе

(1) Нест. Лѣтоп. по Лавр. сп. 75.

жены, глаголюще, яко си жито держать, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтъ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета себѣ». — Вникая въ этотъ разсказъ лѣтописца, нельзя не примѣтить, что, при всемъ видимомъ сходствѣ событій 1024 и 1070 годовъ, между ними есть и большое различіе, и что событіе 1024 не осталось бесполезнымъ для явленій 1070 года. Тамъ и здѣсь народъ въ изступленіи; тамъ и здѣсь волхвы проводятъ древнюю языческую практику, увѣряя народъ, что жещчины причиною недостатка, и что онѣ держать изобиліе. Но здѣсь уже встаютъ не *волхвы*, а только два волхва изъ Ярославля; здѣсь народъ не тотчасъ, по первому слову, слѣдуетъ за ними, а требуетъ доказательствъ, и волхвы должны были прибѣгать къ обману чувствъ, *мечтъ*, должны были прорѣзывать, для виду, кожу на плечахъ несчастныхъ жертвъ суевѣрія, и дѣлать видъ, будто оттуда падаютъ то рожь, то рыба, то мѣха и т. д. Обманъ не легкой и не вездѣ могъ удаваться, и требовалъ многихъ пособниковъ, помощниковъ и участниковъ обмана. Можетъ быть, по этому и лѣтописецъ иногда, вмѣсто двойственного, употребляетъ множественное число, говоря напримѣръ: «Кдѣ придуть, нарицаху лучшіе жены». Естественно, что приверженцы этихъ волхвовъ держались уже не однимъ суевѣріемъ, а подкупомъ и надеждой на добычу, и потому легче могли быть открыты. Здѣсь дѣло рѣшается не самимъ В. Княземъ Святославомъ, а его намѣстникомъ Яномъ, не смотря на то, что волхвы были княжескіе смерды, и, въ этомъ качествѣ, по статьѣ Рус. Правды (1), требовали себѣ суда В. Кнзя, и считали себя свободными отъ всякаго наказанія до его рѣшенія. Янъ успѣлъ однакожъ своею властію остановить разбой волхвовъ, повелѣвъ Бѣлоозерцамъ, къ которымъ волхвы пришли,

---

(1) ХCV, изданія Казанова. Здѣсь опредѣляется наказаніе за умученіе смерда безъ княжескаго слова, т е приказа.

схватить ихъ и выдать ему, для наказанія. Къ сему, вѣроятно, не мало содѣйствовало ученіе В. Князя Ярослава, повторенное Яномъ, о *Богѣ, который одинъ все совершаетъ, и о твари, которая сама по себѣ ничего не можетъ сдѣлать*. Но такъ же вѣроятно, что Янъ указалъ при этомъ на тотъ или другой край Россіи, откуда можно было получить продовольствіе, и тѣмъ окончательно убѣдилъ народъ, вмѣсто безполезнаго, жестокаго принесенія родныхъ въ жертву суевѣрью, пожертвовать трудомъ и кунами, для сохраненія въ живыхъ всего населенія.

Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что вѣра въ волхвовъ, даже въ годину страшнаго голода, у насъ не выходила за предѣлы простаго народа, который умиралъ голодною смертію; и что правительство постоянно противодѣйствовало этой вѣрѣ, и притомъ успѣшно, даже въ такія злыя времена; да и самый народъ не слишкомъ довѣрялъ волхвамъ, даже въ первые годы введенія въ Русь христіанства, заставляя ихъ удаляться на глубокой сѣверъ, и выдавая ихъ для казни, по востребованію князя, или его намѣстника. Тогда какъ, на пр., во Франціи, въ концѣ VIII столѣтія, три вѣка спустя послѣ принятія христіанства, само правительство, самъ Карлъ V. вѣрилъ, что волхвованія и ворожба причиною неурожаевъ. И долго спустя, на западѣ Европы господствуетъ повѣрье, что неурожай происходятъ отъ волхвовъ (1). Напротивъ у насъ 1070 годъ былъ послѣднимъ годомъ появленія волхвовъ такого рода. Дальнѣйшая исторія голодовъ въ Руси обходится безъ ихъ участія, даже въ XI вѣкѣ; лѣтописецъ, повѣствуя о голодахъ, отмѣчаетъ однѣ естественныя явленія, которыя были причиною неурожая въ той или другой области Руси.

---

(1) Roscher's «Ueber Kornhandel», 1852, Stuttgart und Tübingen, 76: Karl der Grosse schrieb die Theuerung von 795 bösen Geistern zu, welche die Körner aus der Aehre verzehrt haben. Тамъ же объ Tempestarii и Hexenmeister, которымъ народъ запада приписывалъ градобітіе и другія причины неурожая. См. такъ же De la Mare, Traité de la Police, II, 336.

Такъ описанъ третій случай голода, бывшій въ Россіи въ 1092 году (1). Онъ имѣлъ мѣсто во многихъ областяхъ Руси, говоритъ летописецъ. Принимая слово: область, въ его техническомъ значеніи, по которому въ XI в. областей въ Руси было всего пять, шесть, а именно: Кіевская, Переяславская, Черниговская, Суздальская, Смоленская, Полоцкая и Новгородская, — во многихъ областяхъ означало бы, что голодъ былъ почти повсемѣстный. Но вѣроятно, что летопись, въ этомъ мѣстѣ, называетъ областями отдельные города, съ ихъ волостями, и что голодъ имѣлъ мѣсто въ значительной части тогдашней Россіи. Голодъ произошелъ, по словамъ летописца, отъ неурожая, который съ своей стороны произведенъ сильными необычайными жарами, такъ что поля засыхали, лѣса и болота сами воспламенялись. «Ведро бяше, яко изгораше земля; и мнози борове възгарахуса сами и болота». Голодъ былъ страшный, и сопровождался большою смертностію, или моромъ, такъ что въ одномъ Кіевѣ съ 14 ноября по 1-е февраля, слѣдовательно въ теченіи 78 дней умерло до 7000 человекъ, и каждый день умирало ихъ по 90. Эта смертность прекратилась къ февралю; стало быть, къ февралю Кіевляне получили подвозъ хлѣба; стало быть, торговля хлѣбомъ и здѣсь оказала свое благотворное вліяніе.

Не успѣли жители юга оправиться отъ ужасовъ, произведенныхъ засухой 1092 года, какъ постигло ихъ новое несчастье, въ 1094 (2), когда саранча тучами налетѣла на поля *Русьской земли*, вѣроятно Кіевской, частью Переяславской и Черниговской области. «Придоша пружи, 26 Августа, на Русьскую землю, и поядоша всяку траву и много жита». Не все жито подверглось уничтоженію потому, что, въ тѣхъ мѣстахъ, къ концу августа, почти весь хлѣбъ убираютъ съ поля, и особенныхъ слѣдствій для людей не могло имѣть появленіе саранчи въ эту пору. Летописецъ занесъ событіе въ свою хроніку по его особенностямъ и необычайности.

(1) Нест. Лѣт. по Лавр. сп. 92. Карамз. Ист. привѣт. 195.

(2) Нест. Лѣт. по Лавр. сп. 96. Карамз. II, 105.

«И не бѣ сего слышно въ двухъ первыхъ», говоритъ онъ, какъ бы въ доказательство, что ему известны были всѣ причины прежнихъ голодовъ и недостатка въ продовольствіи, и что саранча отнынѣ составитъ новую причину неурожаевъ въ Руси.

И такъ въ XI вѣкѣ, на Руси, было *четыре* случая неурожаевъ. Первые два имѣли мѣсто только на сѣверѣ, были частные, но сильныя до вѣры въ волхвованіе и до убійства челяди и женщинъ; третій извѣстенъ обширностію своего вліянія, и сильнымъ моромъ, но особенно тѣмъ, что не допустилъ вмѣшательства волхвовъ, и, кажется, уступилъ разумному средству—хлѣбной торговлѣ. Наконецъ четвертый случай былъ мѣстный, касался одного юга, мало дѣйствовалъ на продовольствіе народа, и замѣчательнъ только новостію причины, которая произвела, можетъ быть, недостатокъ въ кормѣ, да возвышеніе цѣнъ на продовольствіе. Всѣ эти четыре случая имѣютъ то общаго между собою, и тѣмъ отличаются отъ послѣдующихъ, что измѣряются, въ летописи, только степенію страданій народа, такъ сказать, субъективно. Можетъ быть, этому обстоятельству должно приписать и то, что летопись отмѣтила въ цѣломъ XI столѣтіи только эти четыре случая. Безъ сомнѣнія, неурожай должны были имѣть мѣсто въ Россіи гораздо чаще въ XI вѣкѣ, точно такъ же, какъ и въ послѣдующія столѣтія. Но, имѣя задачей указать на случаи самаго чрезвычайнаго бѣдствія, летопись опустила всѣ другіе, въ которыхъ народъ страдалъ, но не такъ ужасно. Только съ XII вѣка летопись дѣлается болѣе полною и отчетливою повѣстію о голодахъ и неурожаяхъ въ Россіи, и опредѣляетъ силу недостатка въ продовольствіи, посредствомъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе предметы потребленія.

Конечно, эта точность не вездѣ, не всегда, не вполне выдержана въ нашихъ летописяхъ; но все-таки мы можемъ найти въ нихъ много основаній для сужденія о нашемъ предметѣ. Съ XII до XVII столѣтія, русскія летописи указываютъ на разные случаи неурожаевъ и голодовъ; отмѣчаютъ

причины ихъ и пространство дѣйствія, наконецъ опредѣляютъ высоту цѣнъ на хлѣбъ и ихъ вліяніе на бытъ народа. Слѣдовательно, сравнивая между собою различные случаи, имѣвшіе мѣсто въ одномъ и томъ же столѣтіи, и повѣряя различные выводы даннаго вѣка общими итогами другихъ, мы можемъ почти достовѣрно воспроизвести и понять картину этой стороны древней народной жизни. Правда, и съ XII вѣка лѣтопись преимущественно останавливается на событіяхъ исключительныхъ, и отмѣчаетъ цѣны на хлѣбъ самыя высокія; но, не говоря уже о томъ, что иногда лѣтопись отступаетъ отъ своего правила, и упоминаетъ даже о недорогихъ годахъ, познаніе цѣнъ самыхъ необыкновенныхъ, самыхъ чрезмѣрныхъ, можетъ вести къ заключеніямъ весьма любопытнымъ и важнымъ въ вопросѣ объ экономическомъ бытѣ древней Россіи. Прибавимъ къ этому, что хотя переводъ на наши мѣры древнихъ числовыхъ выраженій для хлѣбныхъ мѣръ и для цѣнъ на хлѣбъ весьма труденъ и до сихъ поръ не установленъ и не объясненъ; но этотъ переводъ, какъ намъ кажется, возможенъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возможно поставленіе и рѣшеніе вопроса о цѣнахъ на хлѣбъ въ древней Россіи. Какъ мы воспользовались этою возможностью, пусть судятъ читатели.

Предоставляя себѣ излагать подробности, касающіяся древней системы мѣръ, вѣсовъ и денегъ, въ тѣхъ мѣстахъ статьи, гдѣ это изложеніе окажется и болѣе нужнымъ, и болѣе яснымъ, и болѣе доказательнымъ, мы ограничимся здѣсь установленіемъ общихъ и наименѣ спорныхъ положеній объ этой системѣ. Такъ о *вѣсѣ* замѣтимъ, что и въ древности высшая единица вѣса носила названіе пуда въ 40 фунтовъ, или большихъ гривенокъ; что гривенка вообще равнялась фунту, и содержала 96 золотниковъ, если дѣло шло о вѣсѣ громаднѣхъ и обыкновенныхъ товаровъ, меду, соли, хлѣба и т. п., и что гривенка *малая, кладовая* и *скаловая* составляла полфунта, 48 золотниковъ, если должна была служить мѣрою вѣса дорогихъ вещей, шелку и особенно золота и серебра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денегъ.

О лѣбныхъ мѣрахъ знаемъ, что древнѣйшая и наибольшая изъ нихъ была *кадь* (*оковъ*), раздѣлявшаяся на 4 четверти и на 8 осьминоковъ, или *малыжъ кадей*. Осьминка, съ своей стороны, дѣлилась на свои четверти, или *четверетки*, впоследствии — *четверки*, которые иногда также назывались *осьминками*, какъ $\frac{1}{8}$ часть четверти, и также *малыми кадками*.

Наконецъ о денежной системѣ скажемъ здѣсь, что она въ древней Россіи, до XIV и XV вѣковъ была *гривенная*, а съ этого времени дѣлается *рублевою*, т. е. до XIV и XV вѣковъ все покупалось и продавалось и цѣнилось гривнами, и ея частями, кунами, векшами и т. д., а потомъ до нашего времени рублями, полтинами, гривнами, деньгами. Въ древней системѣ гривны встрѣчаются трехъ родовъ, — *гривна золота*, *гривна серебра* и *гривна кунъ*. Гривны золота и серебра содержали въ себѣ полфунта металла, котораго имя носили. Гривна золота содержала въ себѣ 50 гривенъ кунъ, а гривна серебра только $7\frac{1}{2}$, такъ что золото относилось къ серебру какъ 50: $7\frac{1}{2}$, или почти какъ 7: 1. Съ своей стороны гривна кунъ равнялась 50 кунамъ, или рѣзанамъ, и 20 ногатамъ, такъ что ногата содержала въ себѣ $2\frac{1}{2}$ куны, или рѣзаны (1).

Полагая, въ наше время, 1 ф. сер. = 20 р. сер.

1 гривна серебра или $7\frac{1}{2}$ грив.

кунъ будутъ равны. . = 10 р. сер.

1 грив. кунъ, или 50 рѣз. и

кунъ. . = $1\frac{1}{3}$ р. с.

1 рѣзана, или куна. . = $2\frac{2}{3}$ к. с.

1 ногата. . = $6\frac{2}{3}$ к. с.

Система рублевая, повидимому, должна быть для насъ и яснѣе и точнѣе гривенной. Но, появившись съ начала XIV в., рубль измѣнялся въ цѣнѣ и величинѣ, такъ что въ одномъ

(1) Рус. Правд., по Калач. изд., стт. XLII, XII и слѣд. Карамз. Ист. Рос. Рос., II, примѣч. 79.

случаѣ онъ былъ кускомъ металла въ полфунта, въ другомъ менѣ четверти, представляя цѣну почти пяти рублей серебромъ нашего времени. Части рубля, полтины, гривны, алтыны, деньги увидимъ болѣе ясно при дальнѣйшемъ изложеніи дѣла.

Послѣ сказаннаго нами дѣлается понятнымъ разсказъ лѣтописи подъ 1127 годомъ ⁽¹⁾, когда въ Новгородѣ на осень уби морозъ вѣршъ (рожь) всю и озимищъ; и бысть голодъ и черезъ зиму ржи осминка по полугривнѣ, и когда въ томъ же Новгородѣ, въ 1128, ⁽²⁾ лють бяше: осминка ржи по гривнѣ бяше, и ядяху люди листь липовъ, и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что 1128, въ Новгородѣ, платили за четверть ржи 2 гривны, или 100 кунъ, или почти 2 руб. 70 коп. с., а за кадь 8 гривенъ, или болѣе гривны серебра, болѣе 10 руб. с. Но не забудемъ, что драгоценные металлы, въ то время, въ цѣлой Европѣ были рѣже теперешняго, и потому дороже; что Америка съ ея рудниками не была еще извѣстна и открыта; и что серебряный нашъ рубль, въ то время, стоилъ бы въ 10 разъ болѣе теперешней своей цѣны. И такъ платить болѣе 2¹/₂ руб. за четверть значило, въ 1128 г., то же, что нынѣ заплатить болѣе 25 р., а платить 10 руб. сер. за кадь значило заплатить 100. И понятно, что весьма многіе, можетъ быть, большая часть изъ жителей Новгородской области принуждены были отказаться отъ употребленія хлѣба, и «ядяху листь липовъ, кору березову, инии молицъ истолкше, мятуце съ пельми и съ соломою, инии ушь, мохъ, ковицу. И тако другимъ падшимъ отъ глада, трупіе по улицамъ и по тѣргу и по путемъ и всюду; нашла наемиты возити мѣртвця изъ города; а смородьмъ нелга выльзѣти. Туга, бѣда на всѣхъ! Отець и мати чадо свое вѣсажаше въ лодью даромъ гостымъ; ови ихъ изьмроша, а друзіи розидошася по чюжимъ землямъ. И тако, по грѣхомъ нашимъ, погыбе земля наша». Такой ужасъ голода, общаго для всей Новгородской области, дѣлаетъ вѣроятною

(1) Новгор. Лѣт. I, 5. (2) Тамъ же